

Анатолий Соколов

Азиатский круг князя Вяземского

В последние десятилетия XIX в. всё больше и больше европейцев отправляется в путешествия по странам Востока. Некоторых влекла экзотика, кто-то надеялся разбогатеть, не добившись удачи на родине. Но были и такие, которые хотели испытать себя в тяжелых условиях, и трудно сказать, чего было в их помыслах больше – романтических устремлений или авантюризма.

К числу последних можно отнести князя Константина Александровича Вяземского (1852–1903). Его личность уже привлекала внимание отечественных ученых, но, к сожалению, до сих пор ещё не появилось серьезного исследования, которого, несомненно, заслуживает этот русский путешественник. Написано о нем чрезвычайно мало. В 1973 г. вышла книга И. Всеволодова и А. Никифорова «Настоящая радуга», в которой в числе русских путешественников, посетивших Индокитай, говорится и о Вяземском. Личность К.А. Вяземского заинтересовала и автора многих работ о Бирме Е.А. Западову. В 1989 г. она выступила с докладом «Путешествие К.А. Вяземского по Юго-Восточной Азии (XIX век)» на очередной конференции Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

Анатолий Алексеевич Соколов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

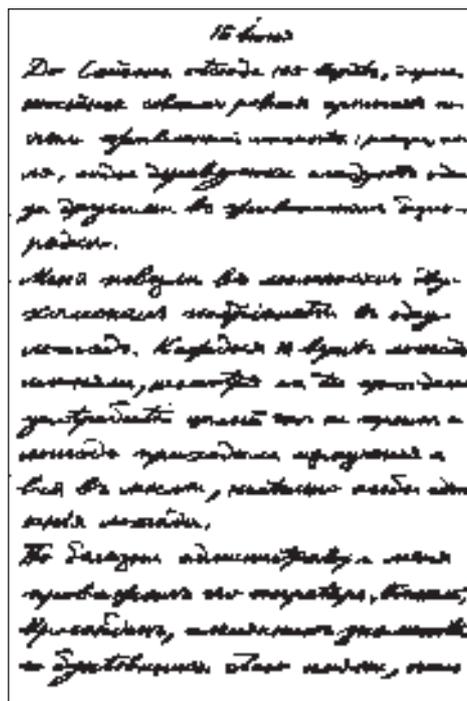
РАН). Московский географ А.В. Соколов также выступал с сообщениями о путешествиях К.А. Вяземского на заседаниях Географического общества СССР и подготовил несколько публикаций (1967, 1969).

К.А. Вяземский происходил из старинного княжеского рода. Он получил хорошее образование и отличался немалым честолюбием. С юношеских лет он любил путешествия, причем в весьма необычной форме – верхом на лошади. Свое увлечение князь Вяземский объяснял так: «Если хочешь поехать в глубь страны, где только и можно увидеть нечто оригинальное, самобытное, то других способов передвижения нет, так как очень часто кроме горных тропинок никаких других дорог не существует».

Шестнадцать лет К.А. Вяземский провел в сухопутных путешествиях, побывал во многих местах России, Западной Европы, Африки и Азии, преодолел при этом более 300 тысяч километров. Он постоянно вел путевые дневники, которые частично были опубликованы во французской газете «Фигаро» и в отечественном журнале «Русское обозрение». Кроме того, широкую известность в Европе он снискал своими публичными выступлениями в Париже, в Географическом обществе.

Сохранились два его дневника: «Путешествие в Марокко» (1881–1882, Архив Русского географического общества, Санкт-Петербург) и «Путешествие вокруг Азии верхом» (1891–1893, Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва). Несомненный интерес представляют его научные работы и переписка с Л.Н. Толстым¹, которые хранятся в различных архивах России. В конце жизни К.А. Вяземский принял монашество и поселился на Афоне. О последних его годах ничего неизвестно.

¹ См., например: Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. – Москва, 1952 – Т. 52. К.А. Вяземский находился в переписке с Л.Н. Толстым с 1890 г. и дважды (в 1890 и 1891 гг.) приезжал к нему в Ясную Поляну.

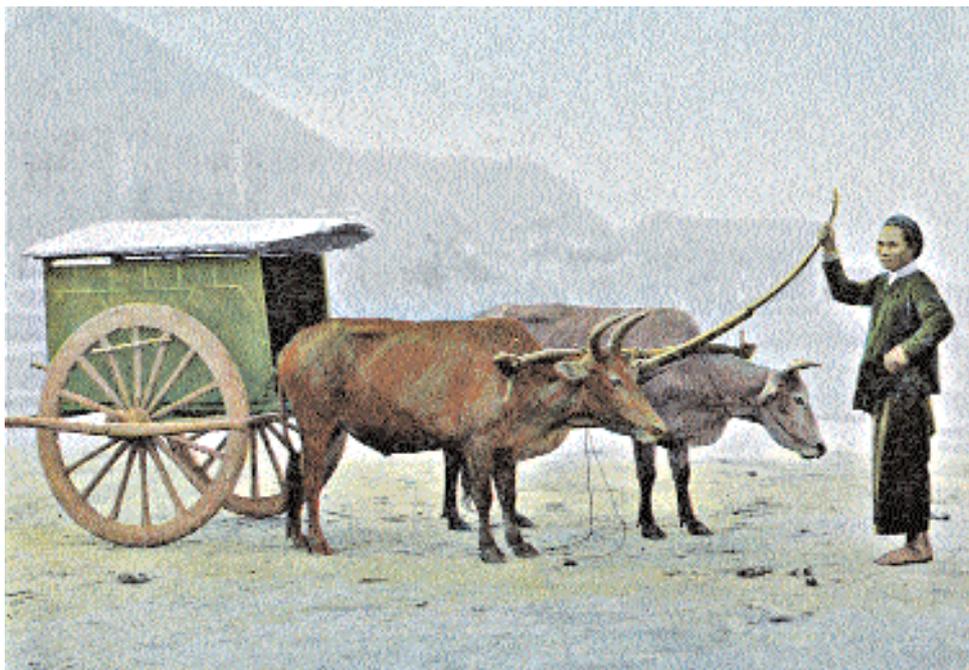

Страница из дневника К.А. Вяземского.

После своего поистине триумфального путешествия в Африку (а он стал первым русским человеком, побывавшим в Марокко) князь Вяземский решил предпринять новый, ещё более грандиозный проект, о котором написал следующее: «Настоящее путешествие (обширнейшее из всех, до сих пор сделанных мною) я предпринимаю с целью посетить все части Азии и, сделав полный круг по этому материк, вернуться назад, если Господь позволит». Поскольку Русское Географическое общество, видимо, не верившее в успех столь масштабной поездки, отказало князю в помощи, все расходы ему пришлось взять на себя.

За время своего «кругоазиатского путешествия» Вяземский посетил Китай, Тибет, Вьетнам, Бирму, Лаос, Сиам (ныне Таиланд), Камбоджу, Индию. При этом он был «дважды ограблен, подвергся нападениям, ранен в плечо пулей и штыком в ногу, про-

жил две недели в плену у тибетцев, привез с собой изнурительную лихорадку».

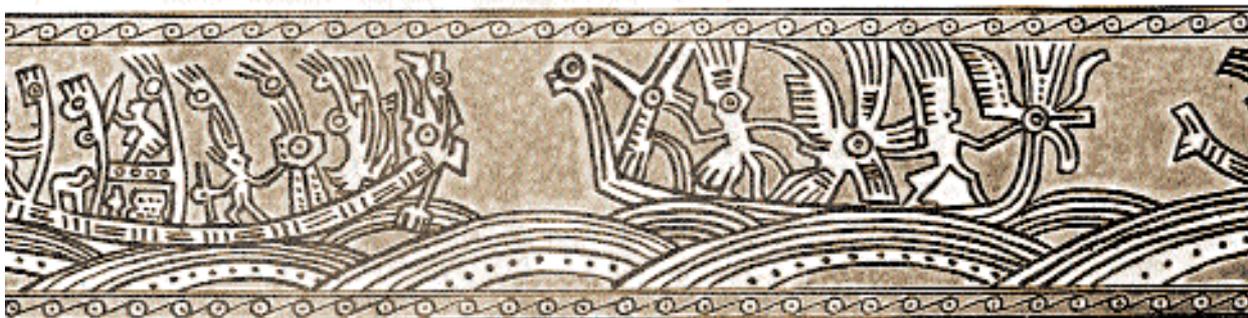
Публикуемые ниже фрагменты дневников рассказывают о пребывании князя Вяземского во Вьетнаме, который в то время состоял из Тонкина, Аннама и Кочинхины и входил в состав Французского Индокитая.

От Кяхты до Вьетнама, через Среднюю империю – Китай, Вяземский добирался на сибирских верховых лошадях. Сопровождали его несколько русских казаков, один из которых уже имел опыт дальних путешествий в экспедиции Н.М. Пржевальского. Утром 14 марта 1892 г. князь и его спутники подъехали к южным воротам, за которыми начиналась долина Лангшона. Дальнейший маршрут Вяземского проходил по следующим основным пунктам Вьетнама: Ханой, Намдинь, Ниньбинь, Тханьхоа, Винь, Куангчи, Хюэ, Туран, Сайгон, Шолон.

Русского путешественника везде встречали хорошо, а порою просто восторжен-

но. Возможно, такое отношение к нему было вызвано визитом цесаревича Николая в Сайгон в 1891 г. и дружественными отношениями между Францией и Россией. К тому же и имя князя Вяземского было уже достаточно известно во Франции. Правда, судя по дневниковым записям, он не хотел, чтобы к нему относились как к политической фигуре. Это если не раздражало князя, то в какой-то мере мешало ему путешествовать свободно. Тем не менее, «союзнический фактор» ему немало помогал во Вьетнаме.

Записи в своем дневнике Вяземский вел практически каждый день. Они касались самых разных вещей: национальные обычаи, повседневный быт как самих вьетнамцев (он их именует аннамитами), так и французов, одежда, флора, фауна, административное устройство, описание встреч с представителями вьетнамской элиты и т.д. О дотошности князя говорит такой факт: после тщательной проверки он обнаружил, что расстояние между го-

Тхань Тхай. Почтовая открытка.

родами Тханьхоа и Винь примерно 150 верст, а не 185, как указывалось на карте французского Генштаба.

Одно из самых интересных мест в дневнике Вяземского – его пребывание в императорской столице Хюэ. По сути дела, это вполне самостоятельный очерк о восточном городе, который показан в самых различных аспектах: административном, архитектурном, политическом, историческом и пр. Особенно восхитили князя окрестности Хюэ, где среди роскошных рощ у небольшой реки расположились усыпальницы многих вьетнамских императоров. Он подробно описывает эти архитектурные ансамбли, отмечая, правда, что «гробницы эти в запустении и содержатся плохо, и дворы покрыты сором».

В Хюэ Вяземский встретился с правителем Аннама Тхань Тхаем (1889–1907). Вот строки из дневника князя: «Государь Аннама 15-летний мальчик по имени Тан-тай живет почти пленником в своем двор-

це. Титул его не вполне определен, его зовут и королем, и императором; в официальных бумагах он именуется великим монархом Юга, главным самодержцем и избранником богов». Он наследовал трон вместо своего брата, «сосланного в Алжир за непокорность»¹.

Вяземский подробно описывает дворец Тхань Тхая, его родственников, звучавшую во время встречи музыку, театральное представление («люди, наряженные зверями, прыгали, валялись на траве»). В завершение аудиенции император одарил русского гостя подарками, в числе которых были два ордена (гражданский и военный), 10 медалей меньшей значимости, два огромных веера из павлиньих перьев и с ручками из слоновой кости, большой роскошный зонтик.

«Кругоазиатское» путешествие князя К.А. Вяземского просто уникально. Несомненный научный и определенный художественный интерес представляют дневники русского первопроходца Востока.

В июне 1892 г. Вяземский прибыл в Сайгон. Фактически вся 29-я тетрадка дневника (всего книжечек-блокнотов почти четыре десятка) – это подробное описание Сайгона и находящегося рядом с ним китайского городка Шолона.

После Сайгона Вяземский продолжил свой маршрут через Камбоджу, Сиам и Бирму. В феврале 1893 г. он уже был в Калькутте и провел в Индии три месяца. А затем через Гималаи, Тибет, Памир, Бухару, Персию, Кавказ вернулся в 1894 г. на родину.

Ниже впервые публикуются фрагменты дневника, написанного А.К. Вяземским во время путешествия по Тонкину и Аннаму.

¹ В начале XX в. в Алжире побывала известная русская писательница и переводчица Т.А. Щепкина-Куперник. Итогом этой поездки стала написанная ею миниатюра «Принц Ли Тзонг», посвященная находившемуся там в ссылке вьетнамскому принцу, настоящее имя которого – Хам Нги (см.: Щепкина-Куперник Т.А. Письма издалека. – Москва, 1903). Она неоднократно встречалась с ним и пригласила посетить Россию, на что получила от него такой ответ: «Я – бедная птица, привязанная бечевкой за лапу».

Константин Вяземский

Путешествие вокруг Азии верхом

Выезд в Лангшон

За воротами меня ждали аннамитские солдаты. Их было много, и все какие-то маленькие, точно игрушечные, лица у них глиняного цвета, мундиры фантастические, шляпы круглые, черные, плоские с висящими двумя пунцовыми лентами на затылке, точно у барышень.

Все солдаты, по уверению их офицеров, отлично говорят по-французски; на поверку же выходит, что они знают только две фразы: «*bonjour, capitaine*» и «*oui, mon capitaine*».

Что бы у них не спросить, отвечали одной из этих фраз. Слова «*non*» они произнести не могут, и поэтому на всё говорят «*oui*». Ходят большей частью босиком или в сандалиях. Когда становятся во фронт, то лица у них делаются совершенно мертвые без малейшего выражения, и они тогда очень походят на египетских мумий, тем более, что цвет их кожи такой же темный. В казармах с ними живут их жены и подчиняются всей воинской дисциплине, становятся перед офицерами

во фронт, и за проступки их сажают под арест или секут бамбуковыми прутьями, как у нас розгами; наказание это в Аннаме называется «кадульи». К нему также прибегают судьи, если хотят что-либо выведать от преступника. Кстати, может быть, мои читатели знают, что Тонкин, переходивший прежде из рук в руки, теперь укреплен за Аннамом в виде вассального княжества; французы, объявив его на военном положении, распоряжаются в нем полными хозяевами.

В четырех верстах от границы находится военный пост Донгданг; там меня встретили французские офицеры и таможенные чины с шампанским. Эти милые люди казались очень обрадованными моим приездом; с ними был целый батальон европейских солдат, набранный из желающих волонтеров всех наций; тут есть и немцы, и итальянцы, и беглые русские; полк этот называется «*la legion des etrangers*» (иностранный легион). Хотя и набран из так называемого сброда, он отличается храбростью и выносливостью; во всех сражениях посылается всегда впереди. Их за мной прислал воинский начальник из Лангшона.

Отдел рукописей РГБ, фонд 178, музейное собрание 8390, тетр. 19, 21, 29.

Тонкин есть родина пиратов (разбойников); грабежи и убийства здесь дело обычное, по дорогам рыскают шайки в несколько сот человек, и никто не отваживается путешествовать без сильного конвоя.

У французов здесь войск мало, удивительно, как они ещё могут держаться против здешних враждебных племен; кроме этой «*legion etrangere*», «*infanteri de marine*» (морская пехота), не более шести тысяч человек. Населения же здесь насчитывается около шести миллионов, и добрая его треть враждебна французам. Пока мы все в грязной аннамитской избушке пили шампанское, сидя на полу на циновках, пришли два местных начальника; они были в темных платьях и черных чалмах; поздоровавшись с нами угрюмо, они тоже уселись поодаль.

Французы их третируют свысока; капитан, показав на стаканы, просто и конкретно сказал им: «пейте». Аннамиты, взяв стаканы, отошли в сторонку и отпили немного. Поговорив о моем путешествии и выразив удивление, как я мог проехать целым через Китай, офицеры предложили ехать в Лангшон, до которого отсюда всего 14 верст. Они мне сообщили, что их пол-

ковник, в настоящее время отсутствующий, предоставил мне свой дом для помещения.

Весело разговаривая, мы тронулись в путь под непрерывающим дождем, время от времени завязая в грязи. Маленькие аннамитские солдаты бежали

впереди, с ними было и несколько молодых жен, тоже бежавших босиком за своими мужьями; их французы называют «конгай» (*cong gai*), хотя собственно на аннамитском языке это слово значит «девушка».

Вдоль всей дороги встречались нам местные поселенцы с женами и детьми; они смотрели на меня, пожалуй, с ещё большим любопытством, чем китайцы. Все кричали мне: «*bonjour capitaine*», а некоторые прибавляли: «*brave capitaine*». Девушки и женщины бро-

сали цветы и камфорные ветви под копыта моей лошади, что её немало пугало и заставляло привскакивать, а иногда и бросаться в сторону.

Население в Тонкине смешанное; больше всего аннамитов, есть китайцы и племя Тхо; их легко отличить от аннамитов по их синим костюмам. Аннамиты носят коричневые. Грамота их та же, что у китайцев, но произношение другое; так что китаец и ан-

Дворец в Ханое.

намит могут понимать друг друга, если пишут, но не в разговоре.

Все чему-то радовались вокруг меня и казались очень довольными и своей судьбой, и скверной погодой. Французские мундиры блестели чистотой и изяществом, а аннамитские удивляли разнообразием цветов. Мне казалось совестно быть среди этой пестрой толпы в запыленном, изношенном холстинном пиджаке, проделавшим со мной не одну тысячу верст. Когда мы проезжали через деревни, со всех сторон раздавался треск ракет, и жители выходили гурьбой, раскланивались и присоединялись к нашей эскорте. Здороваются тут все по-военному, прикладывая руку к виску: и женщины, и девки, и даже маленькие дети. <...>

Около 4-х часов мы подъехали к Лангшону. 5 лет тому назад это была мизерная деревушка, а теперь важный военный пункт, укрепленный не хуже Гибралтара. Через речку устроен плавучий мост на удивление китайцев и аннамитов, здесь живущих.

Зная энтузиазм французов к нам, русским, в настоящее время, я ожидал, что они меня встретят любезно. Но прием был такой восторженный, что превзошел мои ожидания: все офицеры вышли ко мне навстречу, везде развевались русские флаги, жители высыпали на улицу с торжественными криками. Аннамитский мандарин, начальник города (*куанан*, как его тут зовут) вышел в своем парадном костюме, нечто вроде ризы, очень пестрое: белый, голубой и желтый цвета были на нем перемешаны и производили курьезное зрелище. Слуги несли над ним по этикету два больших черных клеенчатых зонта. Он шел пешком и при встрече со мной положил земной поклон, поднося кусок желтой шелковой материи с черной надписью, означающей поздравление и радость меня видеть. Кроме того, ещё коробку с ракетами. Это всё в обычаях страны.

Ракеты есть местное аннамитское изобретение и употребляются они при всех торжественных случаях, особенно при почетных приемах. Отсюда ракеты перешли в Китай, а от китайцев их уже заимствовали европейцы.

Главные французские начальники ожидали меня у ворот казенного дома, назначенного мне на время моего пребывания здесь. Старший офицер сказал мне какую-

то поздравительную речь, восхваляя мою храбрость воображаемую. (Не вредно быть храбрым кому нечего терять!) Прием этот по своему великолепию и радушию превзошел даже тот, который мне был сделан в Мароккской империи милым дикарем султаном Мюлехасаном.

Я был и тронут, и совсем переконфужен таким вниманием. Пожалел я лишь одно, что в приеме этом было слишком много политического: меня не столько встречали как прославленного путешественника, сколько как представителя союзной нации, готовой в их воображении воевать с ними против мнимого общего врага. <...>

Мое пребывание в Лангшоне

Я там пробыл несколько дней, и всё время милые французы всячески старались меня развлекать. В первый же вечер они собрали аннамитский театр и танцовщиц. Здесь это очень оригинально: танцовщиц набирают из поселенок, как у нас рекрутов. Достигшая 15 лет девушка обязана явиться в определенный срок к начальству, там её осматривают и, если найдут годной, зачисляют в танцовщицы. Старшие обучают её ремеслу, и потом она во все торжественные дни призывается с другими показать свое искусство. В свободное время им дозволяется жить дома у родителей и заниматься хоть полевыми работами. Оттанцевавшая свои годы увольняется, и ей дают небольшую пенсию. Для театра выстроили навес перед крыльцом занимаемого мною

Танец с барабанами. Акварель.

дома. Представление вроде китайского: актеры наряжаются в цветные костюмы, жестикулируют, кричат, подпрыгивают, дерутся; смысл понять нельзя.

Большую частью представляется война аннамитов с китайцами, где первые побеждают. <...> На сцене появляются и черти, и драконы, и разные фантастические цари с перьями на головах. По несколько раз повторяется одно и то же.

Танцовщицы здесь очень типичны, они одеты в красные мантии с высокими кокошниками на голове, вроде митр, которые носят католические епископы; но позади у них от этих кокошников висит множество длинных разноцветных лент. Каждая держит в руках маленькую гитару и погремушки — в виде массы медных колец, связанных вместе.

Они все очень молодые, от 15 до 18 лет. Танцуют босиком и без панталон; во время подпрыгивания мантии их развеваются от ветра и обнажают их иногда до пояса; груди же их тщательно прикрыты; и вообще аннамитская женщина считает стыдом их показывать и обнажать. Они даже в реках купаются с повязкой на груди. Остальные части тела аннамитки не заботятся прикрывать.

Я не думаю, чтобы танец, что они танцуют, был бы национальный: уж очень высоко они поднимают ноги; чувствуется влияние парижской школы. Множество жителей собралось смотреть на площади. Представление, начавшееся лишь только смерклось, на другой день возобновилось, и если бы часов в пять пополудни не отдали приказание снять павильон, вероятно, продлилось опять до ночи. Зрителей всё время было много; весь город собрался смотреть.

Распоряжался всем аннамитский мандарин и командовал ими по-военному. Когда танцовщицы не выделяли те па, что было нужно, мандарин преспокойно стегал их своим прутом по обнаженным частям тела; это их несколько не оскорбляло, а напротив — возбуждало смех. Когда я заметил мандарину, что не совсем хорошо бить молодых девушек потому, что они неточно выделяют па, он отвечал, что это ничего, здесь всегда так делается, что телесные наказания необходимы для вразумления народа. Тотчас этот типичный сановник, что-

бы показать мне, как они в Тонкине производятся, велел взять одного мальчугана из публики, будто не оказавшего ему уважения, разложить и бить его бамбуковым пру-

том. Насилу мне удалось при помощи французских офицеров убедить этого ревностного сановника оставить мальчика в покое. Экзекуция эта возбудила величайшую радость и смех среди танцовщиц. Они приостановили танцы и приблизились все смотреть; впрочем и сам наказанный, встав после нескольких ударов, весело раскланялся и побежал опять в толпу смотреть представление.

Меня удивило, что во время наказания его никто держал, и он лежал очень смиренно, не издавая ни малейшего звука. Французский полковник мне сказал, что всегда так бывает и что аннамиты замечательно терпеливы на боль.

За время моего пребывания в Лангшоне я осмотрел все, что было возможно. Я побывал у строгого мандарина; жилище его оказалось очень мизерное. Он здесь бесконтрольный судья над всеми аннамитами и китайцами, проживающими в уезде. Может даже произносить смертные приговоры, конечно, с согласия французских властей. Его назначает аннамитский император по предложению французского губернатора. Он не сменяется до своей смерти, если во всем повинуется приказаниям французских властей.

Посетил я здесь также и больницу, она построена и содержится превосходно, её наполняют солдаты, раненные в стычках с пиратами. Есть тут один русский капрал, раненный пулей в живот, мне не удалось узнать, как он сюда попал; французские власти им очень довольны. Слуга мой Людвиг слышал от него, будто он в России долго служил и за дуэль был разжалован в солдаты, попал к злобному офицеру в роту и решился бежать, сперва в Австрию, а потом во Францию.

Винь

Очень чопорный город. Начальство, как французское, так и аннамитское, держит себя чрезвычайно важно. Навстречу ко мне выехал лишь один второстепенный мандарин в носилках и синей шелковой мантии, с солдатами, зонтиками и знаменами.

Кстати о носилках, они здесь совсем не такие, как в Китае; тамошние сделаны из

дерева наподобие ящика или маленькой кареты; здесь же это не что иное, как крытый гамак из разной твердой материи. В нем сидеть нельзя, а приходится лежать, имея ноги выше головы. Если уже непременно захочешь спать, то приходится покрывку откинуть, повернуться боком к движению, и тогда уже спина ни на что не упирается.

Из всех виденных мною до сих пор городов аннамитских, кроме, конечно, Ханоя, Винь самая большая. Тут много каменных двухэтажных домов, занятых европейцами. Есть лавки, в которых торгуют пришлые китайцы.

Чтобы добраться до цитадели (крепости), в которой живет французское и аннамитское начальство, приходится обогнуть весь город. Резиденция властей окружена несколькими концентрическими стенами и надо проехать двое или четверо ворот, чтобы проникнуть в убежище здешних храбрых начальников.

Резидент, отставной полковник (у них служащие военные не могут быть резидентами) встретил меня у последних ворот и провел в небольшой одноэтажный домик, служивший прежде кумирней и отделанный на европейский лад. Там была его квартира и помещение для меня.

<...>

На другой же день моего приезда он мне сообщил, что аннамитский губернатор (*куан-*

док, это выше, чем *куанан*) приглашает меня обедать. При этом он спросил меня, в котором часу я хочу пойти к нему с визитом. Вопрос этот меня несколько удивил: во всех городах аннамитских, где я проезжал, местные власти сами ко мне приходили. Перед европейцами вели себя так униженно, что почитали величайшей милостью, если кто отдавал им визит. Как видно, здесь отношения между европейцами и туземцами совсем иные.

Я, разумеется, не отказался отправиться к важному сановнику, мне было очень любопытно посмотреть этого мандарина и его обстановку. Ему сообщили о часе нашего визита, как это делалось в Китае — заранее. Жилище этого куандока очень большое, но состоит из соединения нескольких сараев, крытых соломой от риса и сухими пальмовыми ветками.

При входе валяется множество ружей и пик особенной работы; там спали два солдата, которые при нашем появлении немедленно вскочили и пошли о нас докладывать. Куандок встретил нас в дверях внутреннего самого большого сарая, в сопровождении своего секретаря — седого малорослого старика. Оба были одеты в шелковые голубые рясы с черным платком на голове, повязанном в виде чалмы (точь-в-точь как отец Сикст).

Держал себя куандок почти так же важно, как китайские мандарины, только улыб-

Тонкин. Три мандарина.

ка его была какая-то подобострастная. Он уже потерялся среди французов, знал некоторые обычаи, подав нам руки, он повел нас далее и, проведя через несколько маленьких дворов, усадил вокруг стола на деревянные стулья в комнате, очень похожей на китайские приемные.

Старик долго не хотел садиться и только после усиленного приглашения резидента решил присесть на кончик стула и то вскакивая всякий раз, когда к нему обращались с разговором. Переводчик аннамитский все время оставался стоя.

Куандок угощал нас шампанским и бисквитами, каковые принесли его дочери, миловидные девушки лет 16—17. Они немножко болтали по-французски; одну звали Ньон, а другую Ауга. Обе были в белых коротких рясах, достигающих едва до колен, на ногах были сандалии и на пальцах ног золотые кольца, тоже и на руках, на щиколотках были браслеты, волосы очень некрасиво замотаны на головах и из них сделаны целые башни. Обе девушки, подав нам шампанское и бисквиты, остались разговаривать, но не сели. Резидент мне объяснил, что женщинам не полагается сидеть в присутствии мужчин в этой стране. <...>

Когда мы уходили, девушки провожали нас до самых внешних дверей, резидент сказал, что им надо на прощанье подать руку. К моему удивлению, обе вместо того, чтобы пожать мою руку, поцеловали ее. «Зачем же это?» — спросил я у резидента. «Это уж так водится», — отвечал он, и сам тоже дал свою руку поцеловать губернаторским дочкам. Дочки же эти были все осыпаны драгоценными камнями, которым позавидовала бы любая из наших барышень.

Удивляюсь, к чему французам нужно поддерживать такие глупые обычаи; пускай бы у своих аннамитов целовали руки, если нравится!

Куандок повторил мне приглашение у него отобедать, и не довольствуясь этим, через час после нашего визита ещё прислал письменное приглашение. Я его сохранил как весьма типичное: на нем среди черных и красных букв нарисован человек, сидящий и обедающий, а сзади него слуга. Писано приглашение было, конечно, китайскою грамотою.

Куандок вскоре и сам пришел отдать визит с секретарем и пере-

Тонкин. Губернатор с детьми.

водчиком. Разговор также у него не клеился, главное потому что переводчик плохо знал французский язык, путался и очень робел. Видя, что мы с резидентом легко разговариваем без всякого переводчика, куандок поинтересовался узнать, как это мы, будучи разных наций, понимаем друг друга. Он очень удивился, узнав, что в России французский язык в большом ходу. О России он имеет смутное понятие и знал только, что это самая холодная из всех стран. Узнав от резидента, что она не подчинена ни Китаю, ни Англии, ни Франции, он нашел этот факт очень странным и спросил: отчего же её не завоюют?

Резидент, улыбнувшись, сказал, что в настоящее время к этому возможности не представляется, что Россия страна большая и сильная, и воевать с ней не легко. Выслушав это мнение, куандок взглянул на меня с робостью и стал после того обращаться со мной с большим почтением.

Вечером к его обеду собралось очень много европейцев. Дочери мандарина появились очень роскошно одетые с гирляндами живых цветов вокруг шеи. Они опять у нас поцеловали руки, но подходили только к резиденту и ко мне, другим же сделали издали нечто вроде реверанса. За стол они с нами не сели и даже ушли куда-то к себе; после уже снова появились и разносили нам вино и фрукты.

<...>

Все блюда, как водится в Аннаме, стояли на столе, и каждый должен был доставать оттуда палочками или ложкой, впрочем скоро принесли ножи и вилки. Пили красное вино и шампанское. Обед продолжался недолго, и после него назначался театр.

Как только встали из-за стола, куандок повел нас в небольшую круглую комнату с нишами, она была очень красиво освещена китайскими бумажными разноцветными фонарями, туда подали чай и пришли танцовщицы, тоже с фонарями на плечах, как в других городах, тоже босиком и в пестрых платьях с лентами, они все были молоденькие и недурны собою, танцы их нисколько не отличались от виданных мною прежде. Протанцевав около получаса, они пошли переодеваться, а нам принесли довольно скверное теплое пиво (как видно, куандок любил подражать европейским обычаям).

<...>

Аннамитские музыканты заиграли оглушительный марш на своих мудреных инструментах, и через четверть часа появились опять танцовщицы в разнообразных костюмах, отличающихся невероятной яркостью цветов. Одна была одета царицей и имела на голове длинные аргусовые перья, держащиеся вертикально и достающие до потолка, другие были одеты ее войском с разным оружием в руках. С другой стороны выступали солдаты, командуемые молодым царем; все роли исполнялись жен-

щинами, они говорили нарस्पев и как-то взвизгивали. Пьеса тянулась ужасно долго; вся суть, кажется, заключалась в том, что царство женщин взбунтовалось и вступило в войну с царством мужчин, но оканчивается это все тем, что царь и царица влюбляются друг в друга.

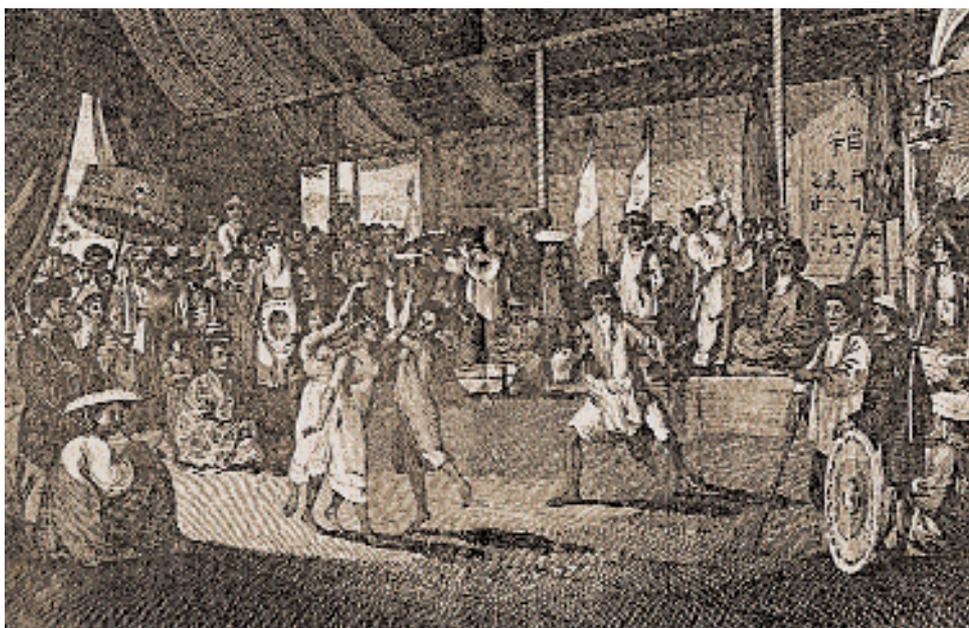
Понять, конечно, из самого представления было ничего нельзя, и я догадался о сути только из отрывчатых объяснений куандокских дочерей. Дождаться окончания пьесы к тому же было невозможно, она грозила продлиться до утра, и мы, полюбывшись на нее часа два, раскланялись с куандоком и, отблагодарив его за доставленное удовольствие, удалились домой. Слуги его нас провожали до квартиры, освещая путь факелами.

<...>

На следующий день надо было отправляться в дальнейший путь. Мне крайне надоело идти вдоль морского берега, по так называемой мандариновой дороге, гладкой и однообразной; и я сказал резиденту, что хочу покинуть ее, чтобы направиться в глубь страны, идти по девственным тропическим лесам. На уверения, что это опасно, я, конечно, отвечал: что именно опасность то меня и привлекает, что жизнь я считаю ни во что.

Потолковав немного меж собой и снесшись по телеграфу с Донгойским резидентом, французы решились отпустить меня туда. Справившись у аннамитских властей

В театре.

Театральные костюмы.

о тамошних путях, они узнали, что хоть опасность и есть, но пройти можно.

<...>

Сайгон

Это крайний пункт моего кругоазиатского путешествия; отсюда должно начаться уже обратное шествие. Я больше не отдаляюсь от Европы и с каждым месяцем буду к ней приближаться. Сколько мне предстоит ещё пространствовать? Бог знает!

По каким путям и через какие страны вернусь? Как Бог даст! Да еще вернусь ли? Как Богу угодно. Главное (хоть и не самое трудное) уже сделано: я доказал возможность пройти через всю Азию. От Москвы я прошел досюда около 17 тысяч верст и употребил на это немного более года, едучи, конечно, не по прямой линии, а зигзагами.

<...>

Про Сайгон есть что порассказать. Это самый цивилизованный город всего Крайнего Востока, самый европейский из виденных мною в Азии. Он не велик, но обладает всеми удобствами, там всего можно купить из европейских произведений и очень дешево. Население состоит из: французов (чиновников, солдат и колонистов), китайцев (торговцев и рабочих) и аннамитов (коренных жителей земледельцев).

Через полчаса после моего прибытия ко мне явился губернаторский секретарь и сообщил, что ему поручено сопровождать меня по городу и показывать мне все достопримечательности, каковых здесь немало. Милые французы, очень им благодарен за их любезность!

Я предложил секретарю самому составить всю программу всех наших экскурсий, объявив, что меня интересует решительно всё. Со следующего же дня мы отправились с ним по городу. Я буду описывать все виденное мною в том порядке, в котором он мне показывал.

Сайгон. Муниципальная почта. Открытка XIX в.

Начали мы с генерал-губернаторского дворца: это большое здание с террасой вокруг, около находится великолепный сад. <...>

Великолепная большая зала в нижнем этаже сделала бы честь любому царскому дворцу; убранство других комнат также роскошное и, как видно, стоило больших денег; отделано всё, конечно, на европейский лад.

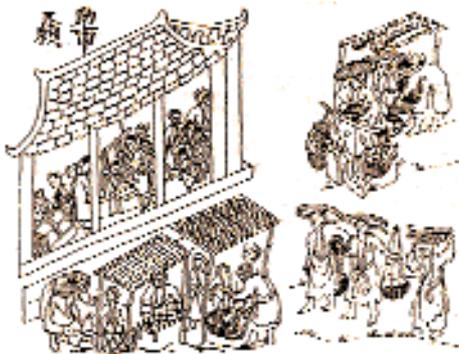
Красив также и дворец гражданского губернатора. Я его видел во всем блеске, освещенным множеством ламп люстр и свечей в тот день, когда губернатор давал в честь моего приезда торжественный обед. Добрейшие французы и здесь, как в Тонкине, меня праздновали, чествовали и радовались удачно совершенной мною экскурсии через Азию. Больше всего восторгались военные и журналисты, осыпав меня даже все незаслуженными похвалами.

Кроме губернаторских дворцов замечательно здесь здание, служащее для почты и телеграфа. Оно громадное. Зала для приема корреспонденции походит на железнодорожный вокзал, имеет овальную крышу; вечером всё здание освещено электричеством. Крыша прежде была стеклянная, но от силы лучей экваториального солнца стекло постоянно трескалось, и его пришлось заменить металлическими плитами.

<...>

Самое, конечно, любопытное для меня в этом городе был ботанический сад; он славится по всему Востоку и служит тут большой утехой для публики. Конечно, ввиду здешнего благоприятного климата не хитро устроить богатейший ботанический сад.

Наоборот тому, что делается в Европе, здесь строят теплицы не для увеличения тепла, а для укрытия растений от солнечных лучей. Например, некоторые породы орхидей, растущие в дремучих лесах, здесь выгорают на солнце и гибнут, так что их приходится от него прятать в домах. Сад этот мог бы быть и еще богаче, если бы его

не задумали составить исключительно из индокитайских произведений.

В числе любопытных растений стоит отметить: древовидные папоротники, экваториальные елки (узкие как свечи, они отличаются от тропических, растущих в Южном Китае, особенно крупные эукалиптусы, кактусы) и ваниль.

Кроме того, здесь собраны в клетках все звери и птицы, наполняющие окрестные леса. Их такое множество, что потребно несколько часов, чтобы подробно осмотреть. Описывать всех, конечно, нет возможности, поэтому я упомяну об особенно интересных: первое место занимают великолепные, огромного размера, тигр с тигрицей, затем тоже очень крупные крокодилы, зеленые попугаи, синие или скорее лиловые голуби с хохолками (эти редкие экземпляры привезены с островов, на континенте они не водятся). Тут же я видел очень красивую банановую змею, ярко-зеленого цвета.

<...>

Хороша в Сайгоне и больница, она очень просторна, чиста, с обилием воздуха и всяческим комфортом. Правда и то сказать: хорошую вентиляцию тут иметь не трудно, ибо можно круглый год, день и ночь оставлять окна открытыми. Собственно говоря, в этом климате рамы и стекла совсем и не нужны. При больнице есть лаборатория, где специалисты очень усердно изучают при помощи микроскопа всех болезненных микробов под руководством некоего ученика знаменитого Пастера.

<...>

К роскошным зданиям Сайгона также относится тюрьма. Я её осматривал в сопровождении самого прокурора и был поражен простором, великолепием и удобствами этого грустного дома. Одни только крепкие железные запоры напоминают о том, что это дом неволи. Во всем остальном его не отличишь от казарм, школы, больницы. Построена тюрьма по такому же плану, тот же простор, та же чистота во всем, оби-

лие воздуха. Комнаты заключенных светлые, высокие, даже красивые; в каждой живет десятка по два арестантов или арестанток, однако тесноты нигде нет.

Большинство заключенных, конечно, местные жители. Европейцев очень мало, и они отделены совсем; их и кормят лучше, и помещение у них комфортабельнее: спят они на железных кроватях, каковых не полагается ни для китайцев, ни для аннамитов, да они им и бесполезны, ибо они и на воле всегда спят на полу, подкладывая под себя циновки.

Посреди тюрьмы оставлено большое пространство, и там устраивают сад для увеселения осужденных, которые, впрочем, и без того имеют вид весьма веселый и здоровый. Большая часть из них занимается разной работой и ремеслами. Многие из них, увидя нас, любезно раскланивались с прокурором и смотрителем тюрьмы: это рецидивисты (*enciens clients*) как их тут зовут.

<...>

Содержатся тут и разбойники (пираты), иные просто сидят за долги. Обычай этот сажать за долги французы ввели в замену прежнего продавания задолжавших в рабство.

<...>

Красив и собор здешний, хотя очень обыкновенный: он велик, внутри тёмн, хорошо содержится; с его башен открывается великолепный вид. Тут только замечаешь, что Сайгон есть обширный сад, скорее чем город: домов и магазинов срав-

нительно мало, но везде деревья, зелень, цветы. Леса окружают город со всех сторон и тянутся на огромные пространства.

Соборный священник (истинный патриарх библейский с седой длинной бородой) сам сопровождал меня и показал все части собора. Он угощал меня очень вкусным церковным вином. На Крайнем Востоке духовенство употребляет для причастия всегда лиссабонское вино; не то, конечно, которое у нас в России продают под этим именем, состоящее из грошовой водки с сахаром, подкрашенное дурным хересом, от которого тошнит после первой рюмки; а настоящее лиссабонское, привезенное из Португалии с виноградников Лиссабонского округа.

Чтобы кончить с описанием Сайгона, сообщу моим читателям, что тут есть огромный ресторан, могущий поспорить с лучшими европейскими и очень напоминающий парижские; так же маленькие столики, выстроенные рядами, как солдаты во фронте, вино подается французское, хорошее и бесплатно при обеде и завтраке. Служат исключительно китайцы, одетые в белое платье, как у нас трактирные половые.

Замечательно здесь обилие ананасов. Они тут самые крупные и вкусные из всего Индокитайского полуострова. Десяток стоит пять копеек. Здесь же зреют

знаменитые мангустаны; они величиной с абрикос, имеют твердую коричневую кожу, легко снимаемую; внутри вкусное белое, немного кисловатое мясо. Семечко довольно крупное, находится сбоку под кожей. Вкусом мангустан составляет нечто среднее между персиком, вишней и лещей.

Шолон

В последний день моего пребывания в Сайгоне я посетил китайский городок Шолон, он отстоит всего верст на 6 от него. Тут полное смешение европейского элемента с азиатским; люди помешаны на торговле, только и видно что фабрики и заводы; все реки запружены лодками, сплавляющими рис, есть множество мельниц для его очистки, одну из таковых я посетил, она принадлежит какому-то китайскому обществу из Сингапура. Размером она огромна, в ней масса машин; работа производится разом в нескольких этажах; везде шум, треск, пыль, залезающая в нос, глаза и уши; хозяйева — китайцы с веселыми самодовольными лицами водили нас по всему этому содому, заставили все осмотреть, вынюхать и наглотаться пыли вдоволь; впрочем, после для утешения угостили шампанским.

Кажется, эти фабрики здесь наживают огромные деньги, если судить по развеселым и разжирелым хозяевам.

Есть тут и опиумная фабрика, она ещё отвратительнее; там машин меньше и потому меньше и стуку, но зато тяжелый и отвратительный запах наполняет всю атмосферу и проникает в легкие неразумных посетителей, являющихся сюда Бог знает зачем!

Опиум варят, жарят, месят как тесто, обкуривают, затем складывают в коробочки и рассылают для отравления людей. Когда смотришь на это дело, то удивляешься, как может просвещенная нация употреблять столько усилий и трудов затем, чтобы в результате губить своих сограждан! Всем известен вред, производимый этим гадким составом (а французам и англичанам это известно более, чем кому-либо, ибо в метрополиях, своих европейских владениях, употребление этого зелья строго воспрещается); и вот так велика страсть к наживе, что вопреки здравому смыслу и всем человеческим чувствам, само государство занимается распространением этого зловердного курева!

Фабрика учреждена в правление Мак-Магона. Опиум получается в сыром виде из Индии и, приготовленный во вкусе мест-

ного населения, распространяется по всей Кохинхине, Аннам и Камбодже.

Меня в этом деле, кроме полнейшей безнравственности, ещё удивляет странная недальновидность правящих лиц. Они знают, что опиум ослабляет человека, делает его ленивым, апатичным, неспособным к труду, пока не убьет его совершенно. Они хорошо понимают, что колонии их процветают только трудами местных жителей, и они сознают, что рабочих рук мало, что земля в Кохинхине и без того не приносит всего, что могла бы приносить. И вот они, распространяя свой ядовитый опиум и наживая сравнительно гроши, убивают всякую энергию в народонаселении, делают его слабым и болезненным, малоспособным к труду, и таким образом теряют гораздо более от того, что поля остаются невспаханными; кроме того, они восстанавливают против себя всю разумную часть жителей, понимающую хорошо, каким ядом их снабжают. Удивительно, что во французском депутатском собрании никто об этом не возбудит вопроса!

Самым интересным в Шолоне мне показался дом аннамитского начальника. Он построен в китайском стиле со множеством европейских и азиатских украшений. Всё устроено с большой роскошью и со вкусом (начальник этот миллионер). Крыша поддерживается колоннами из черного дерева, покрытыми изваяниями и резьбой, на стенах развешаны японские картины и разное оружие: пики, сабли, дреколья очень вычурных форм, множество фарфоровых ваз и подносов с перламутровыми инкрустациями расставлены там и сям, некоторые сделаны мастерски. Есть также и бронзовые позолоченные идолы, зачем-то поставленные в столовой, убранной по-европейски.

Есть также орган, наигрывающий китайские арии (парижской работы).

У этого начальника две жены, обе китайки, и от них много детей. Я видел двух дочерей: старшая, недуренькая 22-летняя девушка, очень набеленная и нарумяненная, разносила нам шампанское, вторая лет 15-ти вертелась и глазела. Обе одеты как рисуют китайок — в шелковых платьицах-капотах с широкими рукавами и со множеством золотых вещей на руках и на шее. Обе говорят по-французски и нимало не конфузятся; руки у них чистые, но с неизменно длинными ногтями.

В приемной на почетном месте красуется портрет хозяина, писанный масляными красками; он тут представлен во всем параде с лентой через плечо и многими орденами. На противоположной стене висит портрет его старшей жены, одетой по-китайски и с букетом лесных орхидей в руках.

Начальник этот показал нам весь свой дом, даже кухню и кладовую. Несмотря на

всю роскошь, в спальнях кроватей нет, и сам он, и жены, и дочери спят на полу на подстилках; у всех есть шелковые одеяла. Дочери показали мне весь свой гардероб, в котором я с удивлением увидел чулки и ботинки. «Зачем они вам, — спросил я, — если вы их не носите?» Девушки улыбнулись и ответили, что по большим праздникам, когда их приглашают сайгонские власти, они их надевают.

Над этим начальником в Шолоне есть еще французский начальник, третирующий этого богача-аннамита свысока.

<...>

Хотя солнце в эту эпоху в Сайгоне бывает над головами, но особенной жары не ощущалось, потому что каждый день были проливные дожди с громом и молнией и зачастую ураганом. И вот, до чего сильны лучи экваториального солнца, несмотря на эти ливни, грязи нигде не было. После дождя по улицам и садам текли целые ручьи, но часа через полтора всё это совершенно высыхало.

В оформлении публикации использованы иллюстрации из книг: Vietnam. In the Past Through 700 Pictures. – Hanoi, 1977 // ЗВ: 33-22/90; Malerische Studien. – Leipzig, б.г. //W 62/32.